

— Но такая ситуация почти невозможна, чтобы действительно выделить их феромоны и сделать бомбу, потребуется собрать их как минимум у сотни живых существ. Индуктивные омеги крайне редки, во всём мире их можно пересчитать по пальцам. Поэтому массовой атаки не произойдёт.

— Но невозможное не значит абсолютное. Если такая атака будет направлена на одного человека, например, на снайпера, который действует в одиночку, или на командира, она может оказать дезориентирующее воздействие.

Кто-то из товарищей пошутил:

— Юнь Син, тебе конец, если какой-нибудь омега выпустит на тебя феромоны, ты ещё сможешь прицелиться?

Юнь Син слабо улыбнулся, отвечая на шутку.

Цзян Суй, скрестив руки на груди, спросил:

— Любой альфа будет затронут?

В документах Юнь Сина значилось, что он обычный альфа уровня А, и Цзян Суй естественно предположил, что настоящий пол Юнь Сина — омега, и его феромоны, скорее всего, тоже уровня А.

Юнь Син, конечно, не будет затронут, Цзян Суй знал это лучше всех. Он просто не хотел, чтобы Юнь Сина обсуждали, и перевёл тему.

Жэнь И сказал:

Альфы уровня три эс не подвержены влиянию.

Внимание всех переключилось на Цзян Суй, и Жэнь И добавил:

— У нас здесь только Цзян Суй — второго уровня эс, пока твой уровень не стабилизировался; если ты достигнешь третьего уровня эс, то не будешь подвержен влиянию.

Вопросов было ещё много:

— Учитель, а если действительно встретишь индуктивного омегу на поле боя?

Жэнь И ответил:

— Во-первых, ты не встретишь индуктивного омегу в реальности, если и встретишь, единственный способ — сразу ввести специальный ингибитор.

— Почему не встретишь?

— С учётом их количества, если бы они были, разве ты бы их встретил на поле боя? — Жэнь И усмехнулся. — Их бы уже давно забрали те, у кого есть власть.

— Учитель, ты видел их? Они все очень красивые?

Индуктивные омеги в устах обычных людей были лишь предметом разговоров, но в некоторых кругах власти их репутация была не самой лучшей. Их называли соблазнительницами, от природы привлекательными, что вызывало одновременно вожделение и осуждение.

Жэнь И задумался, он действительно видел одного.

— У них нет трёх голов и шести рук, они просто обычные омеги, с обычными эмоциями, они тоже испытывают радость и горе. Большинство из них осторожно скрывают свою личность, живут обычной жизнью, как и все остальные.

Жэнь И выглядел серьёзно:

— Быть объектом вожделения для стольких людей — это не самое лучшее.

— Десять лет назад в Девятом округе я видел одного индуктивного омегу, он был молод, женился на влиятельном человеке, а когда его использовали, выставили на аукцион и продали за четыре миллиарда.

В классе раздались вздохи, ученики явно не ожидали такого исхода.

Юй Цин сзади с ноткой жалости в голосе спросил:

— Он же был женат? Его альфа не вмешался?

Жэнь И сказал:

— Именно его альфа организовал аукцион.

Весь класс затих.

— Индуктивные омеги обладают генами, которые определяют их уникальность, они обладают выдающейся внешностью и интеллектом, а также преданностью.

Юнь Син сжал ручку до белизны костяшек, всё его тело напряглось. Он вспомнил, как мать несколько раз пыталась покончить с собой после смерти отца. Но сколько таких пар, как его родители, которые были так преданы друг другу? И сколько альф смогут устоять перед огромной выгодой, которую приносит индуктивный омега?

Кто-то спросил:

— А что было потом?

Жэнь И вздохнул:

— Омега, не вынеся унижений, перекусил себе язык и покончил с собой.

С громким стуком ручка упала на пол.

Цзян Суй нахмурился, наклонился, чтобы поднять её, и положил обратно рядом с Юнь Сином. Глядя на его бледное лицо, он почувствовал тяжесть на душе.

— Редкие феромоны, преданные чувства, выдающаяся внешность — сочетание этих трёх элементов в этом мире становится катастрофой.

Жэнь И закрыл ноутбук, завершая этот тяжёлый урок.

— Я хочу, чтобы вы понимали суть войны и значение мира, каждое существо, каждый пол не должны становиться жертвами конфликтов и власти. Ценность жизни, будущее детей, целостность семьи и порядок в обществе — это конечные цели цивилизации.

— Вы — отличные солдаты, ваша задача — защищать, а не разрушать. Выдающиеся боевые способности — это ваша база, но что ещё важнее, вы должны обладать высокими моральными принципами и гуманизмом. Относитесь с уважением к каждому человеку, цените жизнь и достоинство.

— Я не призываю вас бросать вызов правилам, но за пределами правил, — Жэнь И сделал паузу, глядя на этих полных энергии элитных бойцов, — я надеюсь, что вы будете поступать правильно.

Во время обеда после занятий несколько человек шли в столовую, Юнь Син шёл сзади, через плечо у него был перекинут рюкзак, одной рукой он держал лямку, шёл медленно. Цзян Суй молча шёл рядом.

Проходящие мимо товарищи здоровались, но Юнь Син не реагировал, он выглядел немного отстранённым. Он был таким с самого начала урока, не мог сосредоточиться, иногда смотрел в одну точку.

Ветка, нависшая над дорогой, зацепилась за Юнь Сина, Цзян Суй протянул руку, чтобы убрать её. Юнь Син резко отпрянул, в его взгляде мелькнул глубокий страх.

Цзян Суй на мгновение замер.

Юнь Син сразу же осознал, что произошло, выпрямился, огляделся, его лицо снова стало спокойным.

— Если устал, иди сначала в общежитие, я куплю еду и принесу, — Цзян Суй взглянул на товарищей, идущих впереди, и сказал Юнь Сину.

Юнь Син сказал «хорошо», опустив глаза, отодвинувшись от Цзян Суя. Он выглядел уставшим, прежняя настороженность и холодность, казалось, снова вернулись к нему.

Цзян Суй не мог понять, что произошло, но что-то было не так.

Он принёс еду, поставил её и не ушёл, явно намереваясь поесть вместе с Юнь Сином.

В этот раз Юнь Син выглядел лучше, он разговаривал и улыбался, прежние отстранённость и настороженность, казалось, были лишь иллюзией Цзян Суя. Но он ел мало, несколько ложек риса — и уже был сыт, только выпил суп.

Цзян Суй убрал со стола, посмотрел, как Юнь Син лёг на кровать и закрыл глаза. Он накрыл его одеялом, затем положил ладонь на лоб Юнь Сина, на этот раз Юнь Син не отстранился.

Цзян Суй наконец спросил:

— Есть что-то, что тебя пугает?

Юнь Син удивился чувствительности Цзян Суя, открыл глаза и уставился на него. В его взгляде было много боли, постепенно в ней появилось то, что Цзян Суй мог бы назвать доверием.